

Из офиса в школу

Еще недавно статус школьного учителя привлекал только фанатиков-бессребреников и откровенных неудачников. А теперь пиарщики, режиссеры и программисты обивают пороги школ, желая получить работу.

Совпало сразу три фактора. Во-первых, кризис вытолкнул тысячи людей из офисов. Во-вторых, педагогам стали больше и, главное, регулярнее платить: в Москве учитель может получать больше \$2000 в месяц. Ну а в-третьих, государство, по крайней мере на словах, признало, что российская школа нуждается в притоке «специалистов из других сфер деятельности».

Кризис неожиданно сделал профессию учителя чрезвычайно популярной.

—Этим летом сложилась очень странная, до сих пор небывалая ситуация. Раньше в начале июня у нас была информация по всем учительским вакансиям во всех округах Москвы. А сейчас прислали списки только два округа. Вакансии разбираются уже в окружных департаментах образования, до нас они не доходят. Но и те, которые доходят, закрываются в течение 1–3 дней, а раньше все лето висели, — удивляются представители московского Управления по работе с образовательными учреждениями.

Бывшие пиарщики, бывшие режиссеры, бывшие сисадмины...

— У меня половина учителей пришла во время кризиса начала 90-х, другая половина — во время дефолта 1998 года. При этом лишь один из десяти имеет педагогическое образование. Я сам заканчивал факультет вычислительной математики и кибернетики МГУ и до 1991 года работал системным программистом. Сейчас снова ожидаем пополнение, — рассказывает Сергей Бебчук, директор «Лиги школ», которая считается одной из самых престижных в Москве.

От кризисов бывает и польза. 1998 год позволил встать на ноги многим производственным предприятиям. Не исключено, что нынешний кризис окажется на руку российскому образованию. По крайней мере, он с избытком обеспечил школы потенциальными кадрами.

Наташа Сельдева работала пиарщиком. Сначала все было хорошо. Модная профессия, зарплата 40–45 тысяч рублей, крупные клиенты типа ОАО «РЖД». И вот весной Наташу уволили. Сначала она пыталась вновь найти работу в пиаре, но...

— Устроиться оказалось очень трудно. На одно место претендуют чуть ли не двести человек, — рассказывает она. — Работодатели решили под шумок поэксплуатировать тех, кто нуждается в работе: в качестве тестового задания предлагают написать целую пиар-кампанию, которую потом можно легко использовать. И с зарплатой ситуация также сильно ухудшилась. Та позиция, за которую лично я получала 40 тысяч, теперь стоит 30. После всего этого мне и пришла мысль попробовать стать учителем.

Сходная история и у режиссера Евдокии Москвиной. Ее специальность — мечта тысяч юношей и девушек. Евдокия снимала свои фильмы и участвовала в таких громких проектах, как сериал «Галина» и фильм «Царь» Павла Лунгина.

— На съемках у маститых режиссеров, обычно не имеющих проблем с финансированием, стали экономить даже на пакетиках чая. Если раньше выставляли упаковку с коробками чая, то потом стали давать пакетики дозированно, они быстро заканчивались. Не успел попить горячего — твои проблемы. Не говоря уже о том, что честно отработанное на морозе и в грязи жалование стали задерживать на какие-то уж совсем неприличные сроки. Надо было что-то менять. Мысль о работе в офисе приводит меня в ужас. После долгих раздумий я поняла: пойду в школу.

Дмитрий Левочский до мая был системным администратором. Настраивал компьютеры, следил за сетью. Но...

— С началом кризиса в офисе, где я работал, стали вводить какие-то драконовские порядки. Впечатление было такое, что руководство хочет создать невыносимые условия для сотрудников, чтобы они сами ушли. Вот

я и ушел. Мне показалось, что школьная система получше будет.

Деньги идут в школу

Бородатый анекдот. Шпана останавливает прохожего:

— Кошелек или жизнь!

— Понимаете, я школьный учитель...

— Так бы сразу и сказал. Вась, дай ему десять рублей!

В середине 90-х учительская зарплата была мизерной и платили ее чуть ли не раз в полгода. В школах могли выжить либо неудачники, которым никакая иная работа не светила, либо фанатичные энтузиасты, способные десять лет ходить в одной и той же кофточке. Сейчас ситуация меняется, по крайней мере в крупных городах.

— В Москве учитель получает в среднем 30–35 тысяч рублей. Преподаватели языков — 60, а то и 70 тысяч за счет различных доплат из городского бюджета. Кроме этого, не меньше трех раз в год зарплата индексируется, вот сейчас в сентябре она снова вырастет, — рассказал нам представитель московского Департамента образования Александр Гаврилов.

Устраиваясь работать в школу, бывшая пиарщица Наталья Сельдева была удивлена тем, что школьные зарплаты вполне сопоставимы с заработками в коммерческой фирме:

— Когда я сказала одной из директрис, что зарабатывала в своем пиар-агентстве 40 тысяч, ее это ничуть не смутило. Она ответила, что не обещает мне сразу эту сумму, но при занятости по 6 часов 5 дней в неделю я смогу получать спокойно 25 тысяч. И это только для начала.

В других регионах, конечно, не так шоколадно.

— Скажем, Псковская область, являясь дотационной зоной, не в состоянии обеспечить учителям вразумительную зарплату, она в районе составляет 10 тысяч рублей. А соседняя с ней Калининградская область заявляет, что у них учителя в среднем получают 17 тысяч, — объяснили нам в профсоюзе работников народного образования и науки РФ.

Вообще разобраться с размерами учительской зарплаты под силу разве что продвинутому финансовому аналитику. И правительство РФ, и Министерство образования устали от решения такой скучной проблемы, как доходы педагогов.

— У нас в стране без малого девяносто разных схем расчета учительской зарплаты — по числу регионов. На доходы влияет множество разных надбавок, которые часто не имеют никакого отношения к здравому смыслу, — удивляется представитель учительского профсоюза. — Так, например, в некоторых регионах учителю доплачивают или соответственно не доплачивают за количество учеников в классе. Но ведь учитель класс не формирует, он не может отвечать за это количество. Или, например, учителю физкультуры, — а они постоянно в дефиците, особенно мужчины, — платят больше, чем, скажем, учителю русского и литературы.

Учительская зарплата складывается из такого количества надбавок и коэффициентов, что просто дух захватывает. По нашей просьбе Азат Хисаметдинов, директор средней школы в башкирской деревне Кутуево, привел калькуляцию доходов молодой учительницы Людмилы. У нее ставка 18 часов, образование среднее специальное, она работает на селе, имеет классное руководство, является молодым специалистом. К тому же дело происходит в Уральском регионе, за что начисляется дополнительный коэффициент. Итого получается, что зарплата Людмилы со всеми надбавками составляет 7728 рублей. (Кстати, по данным Госкомстата, в Уральском федеральном округе средний заработок составляет около 14 тысяч рублей).

Но это не потолок, зарабатывать можно и больше. Если ученики Людмилы будут сплошь отличниками и хорошистами, завоюют приличные места на районных и городских олимпиадах, то она легко может уже через год повысить квалификационную категорию — а это уже надбавка в 25%. Не забудем и о том, что Людмила может взять себе не одну, а полторы или даже две ставки. А если эта деревенская школа вдруг заведет у себя лицейские или гимназические классы, то учительница дополнительно будет получать от 15 до 40% от ставки.

Я работаю на государство

Размер, конечно, имеет значение, но важен еще и ритм. Среди достоинств учительской зарплаты —

регулярность ее выплаты. Что лучше — 30 тысяч в коммерческой фирме с формулировкой: «Когда заплатим — неизвестно, делаем все возможное, но вы же понимаете...» или 25 тысяч в государственной школе, которые выплачиваются относительно стабильно?

Вообще в кризис иметь дело с государством не так уж плохо.

— Это намного надежнее, чем работать на частного предпринимателя. Нет задержек, нет всяких «косяков», которые бывают на офисной работе. Система отношений с начальством здесь другая, — объясняет свой выбор Дмитрий Левочкин.

Из школы не могут уволить просто так, посреди учебного года — это целая канитель, которой боится любой директор. Сокращенный рабочий день, длинный оплачиваемый отпуск. Плюс всякие штуки, которые принято называть социальными гарантиями.

— Одна из директрис, к которой я пыталась устроиться на работу, спросила меня, сколько мне лет и замужем ли я, — вспоминает Наташа Сельдева. — Когда я ответила, что мне двадцать девять и я не замужем, она как-то странно вздохнула и сказала, что опасается меня брать, поскольку я, как только устроюсь на стабильную зарплату, сразу пойду замуж и начну одного за другим детей рожать.

Стало чуть получше с перспективами роста зарплаты. Раньше педагог оценивался как вино во французских подвалах: чем дольше он проходил по коридорам школы, тем выше была его категория и соответственно доходы. Представьте себе молодого и талантливого ученого-биолога, статьи которого публикуются в самых престижных журналах типа Science или Nature. Его труд в качестве школьного преподавателя биологии оплачивался бы намного ниже, чем труд какой-нибудь Марьиванны, начавшей свой скорбный педагогический путь еще во времена Лысенко.

— Сейчас есть возможность уже через два месяца после устройства с седьмым, самым маленьким, разрядом получить десятый. Затем в течение года можно дорасти до тринадцатого. И через шесть месяцев, а не через пять лет, как раньше, получить четырнадцатый — самый высокий разряд. Понятно, что зарплата вырастает очень сильно, — поясняет Анна Мехед, директор физико-математического лицея № 1581. — Кроме этого, многие сейчас переходят на систему аккредитаций учителей. Это значит, что от активности учителя в жизни школы и в преподавании напрямую зависит его вознаграждение. Таким образом, каждый из преподавателей может либо «отсиживаться в кустах» и получать минимум, либо выкладываться по полной и зарабатывать много денег.

Впрочем, это касается главным образом Москвы. Во многих регионах доктор наук, не имеющий педагогического стажа, будет получать в школе меньше, чем какая-нибудь старушка, в незапамятные времена окончившая заочный пед.

Возвращение смыслов

— Учитель — это единственная профессия, помимо врача и художника, которая придает жизни осмысленность, благородная профессия, если можно так выразиться, — говорит Наташа Сельдева, объясняя, почему она идет работать в школу.

Ей вторит Евдокия Москвина:

— Самое важное — такая работа правда нужна обществу...

Высокие слова об обществе и благородстве девушки произносят как-то неуверенно. Умному человеку претит быть пафосным. Но чувствуется, что эти смыслы для них ничуть не менее важны, чем тарифная сетка и квалификационная категория. Учитель действительно человек, приносящий пользу «здесь и сейчас».

Обновить кровь

Вроде бы понятно, зачем нужна школа вчерашним пиарщикам, режиссерам и программистам. Но нужны ли они школе?

Еще осенью президент Медведев вдруг заговорил о средней школе. Помимо прочих благих пожеланий прозвучал тезис о том, что нужно «привлекать к преподавательской работе в общеобразовательных школах специалистов из различных сфер экономики».

Хорошие учителя, как правило, немножко диссиденты. Но здесь неожиданно возникло понимание.

— Видать, это посоветовали президенту умные люди, — сказал нам один директор школы, известный своей постоянной критикой любой власти.

Логика понятная. Можно внедрять самые прогрессивные методики, можно печатать красочные учебники, можно закупать навороченные интерактивные доски. Но главное не изменится — педагоги.

Есть такое понятие — «профессиональная трансформация». После 10–15 лет работы в кондовой районной школе люди становятся уже не совсем людьми. Появляется новый вид — «человек педагогический». Представьте себе тетушку, чей возраст точно определить нельзя — где-то от 35 до 55. Неухаженное лицо, вечная химическая завивка, несчастная личная жизнь и агрессивно-истерические нотки в голосе, даже когда она беседует не с классом хулиганов, а с потенциальным любовником. Это типичный работник современной школы. От такого персонажа за версту несет неуспешностью. А к этому запаху дети очень чутки.

Но даже если учитель — лапочка и душка, проведя несколько десятилетий в школьных стенах, он оказывается начисто оторванным от реальной жизни. Его наука — это мертвая наука, его примеры — это ветхие примеры.

Учителя, пришедшие со стороны, могут вдохнуть в школу новую жизнь. Сергей Бебчук рассказывает, что выиграет школа, если начнет приглашать в качестве совместителей сотрудников научных институтов или конструкторских бюро. В принципе то же самое можно отнести и к успешным экономистам, журналистам или режиссерам:

— Такой учитель практически ежедневно повышает свою квалификацию, для уроков у него всегда найдутся примеры из опыта собственной работы. Любой совместитель размыкает рамки школы. Совместители чаще, чем штатные сотрудники, работают с вдохновением: для многих из них работа учителя — это, скорее, хобби.

«Человек внешкольный» имеет реальный житейский опыт, он знает прикладную сторону предмета. Тот же самый помощник режиссера или пиарщик может лучше объяснить, зачем нужно изучать русский язык, литературу и историю.

Кроме того, одно из самых больных мест нашего образования — профессиональная ориентация. Она либо никак не ведется, либо осуществляется в совершенно убогих вариантах. И в итоге у старшеклассников представления о будущей профессии получаются самыми расплывчатыми. Они идут в вузы, толком не понимая, чем будут заниматься дальше. Понятно, что учитель, десятилетиями замкнутый в круге дом — школа, мало чем может им помочь. В отличие от профессионала, пришедшего из других сфер.

Успешный человек, который действительно хочет поработать в школе хотя бы пару часов в неделю, может радикально преобразить массовое российское образование. Продвинутые московские школы вроде 2-й, 57-й или «Интеллектуала» давно уже используют этот ресурс. Осталось только сделать такую практику повсеместной.

Разумеется, есть масса рисков. Одна опасность — люди пойдут в образование только за рублем. Другая — человек без опыта может просто не справиться с буйным классом. По-хорошему, государство должно продумать всю систему, все алгоритмы, все правила.

Мышки, станьте ежиками!

Президент заговорил о привлечении в школу непедагогов еще прошлой осенью. Буквально через пару недель Сергей Бебчук показывал нам свои предложения:

1. « Изменить расчет стартовой зарплаты.
2. Заинтересовать работодателей отпускать своих сотрудников в учителя. Например, за каждого сотрудника, работающего в школе, для организации уменьшить налог на зарплату или ЕСН на 1%.
3. Не требовать обязательного прохождения учительских курсов повышения квалификации, даже для прохождения аттестации.
4. Заинтересовать научных сотрудников институтов. Это легко сделать, начав засчитывать работу в школе в качестве какого-то заметного количества плановых авторских листов.
5. Необходимо существенно уменьшить бумажную нагрузку на учителей (отчеты, таблицы, справки и проч.). Люди пойдут работать в школы для того, чтобы учить детей, а не работать с бумажками...».

Но Сергей Бебчук всего лишь директор небольшой школы. И по части реформ есть куда более весомые организации. Например, Министерство образования и науки, которое по идее должно было разработать схему, как внедрить непедагогов в школы с максимальной выгодой и для них, и для системы образования.

Мы обратились за комментариями в министерство. Там нам сказали, что вопрос, конечно, очень интересный, но уж больно сложный. И попросили пару недель на подготовку ответа. Мы терпеливо ждали. Через 16 дней ответ пришел. Содержательностью он явно не блистал: «Необходимо продумать различные варианты привлечения специалистов в школы...».

Еще осенью президент дал указание: «К декабрю текущего года разработать меры, направленные на привлечение к преподавательской работе в школах специалистов из различных сфер экономики». Все это время чиновничий мозг неутомимо трудился. И, наконец, пришел к выводу: «необходимо продумать».

На нашу просьбу объяснить, что вообще происходит на образовательном рынке труда, мы получили не менее развернутый ответ: «Кадровая ситуация в образовательных учреждениях стабильна».

Вспоминается анекдот про мышек и сову. Министерство образования и науки глубокомысленно советует: «Мышки, станьте ежиками!», то есть «Непедагоги, идите в школы!» или «Школы, привлекайте непедагогов!». Вот только как это сделать — не представляет, ибо занимается исключительно стратегическими вопросами. А если проще — не контролирует ситуацию. В итоге проблему должны самостоятельно решать каждый регион, каждая школа, каждый работник.

Наташа Сельдева и Евдокия Москвина за два месяца активных поисков так и не смогли найти внятной вакансии в московских школах. Дмитрий Левочский устроился еще весной, правда, его взяли лишь в запущенную «районку», где до его прихода историю и обществензнание вела учительница химии — просто зачитывала вслух учебник.

Григорий Тарасевич, редактор отдела «Науки» журнала «Русский репортер»
Юлия Морская, автор «Русский репортер»
При участии Евы Чукиной

Автор: Артур Скальский © Русский репортер ОБРАЗОВАНИЕ, РОССИЯ 👁 1920 23.07.2009, 20:19 📌 208
URL: <https://babr24.com/?ADE=79665> Bytes: 17209 / 17144 Версия для печати

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)